

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ (сопоставительный и методический аспекты)

Чжу Мэнтин, О.В. Анциферова

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию семантики и функционирования эмотивной лексики в русском и китайском языках. Актуальность исследования обусловлена значительными расхождениями в категоризации и выражении эмоций в русской и китайской лингвокультурах, что создает серьезные коммуникативные барьеры. На примере глаголов эмоционального отношения проводится сопоставительный семантико-прагматический анализ, определяющий ключевые зоны интерференции. В ходе исследования выявлены лексическая интерференция и специфика категоризации эмоциональных состояний в русском и китайском языках, осмыслена специфика работы с эмотивной лексикой в китайской аудитории.

Ключевые слова: эмотивная лексика, эмотивная компетенция, обучение РКИ, сопоставительный анализ, семантика и функционирование, категоризация эмоций, глаголы эмоционального отношения, зоны интерференции

Для цитирования: Чжу Мэнтин, Анциферова О.В. Эмотивная лексика в китайской аудитории на материале глаголов эмоционального отношения (сопоставительный и методический аспекты) // Преподаватель XXI век. 2026. № 3. Часть 1. С. 86–97. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-86-97

EMOTIVE VOCABULARY IN THE CHINESE AUDIENCE BASED ON VERBS OF EMOTIONAL ATTITUDE (Comparative and Methodological Aspects)

Zhu Mengting, O.V. Anziferova

Abstract. This article examines the semantics and functioning of emotive vocabulary in Russian and Chinese. The relevance of this study stems from significant differences in the categorization and expression of emotions in Russian and Chinese linguistic cultures, which creates significant communication barriers. Using emotional verbs as an example, a comparative semantic and pragmatic analysis is conducted, identifying key areas

© Чжу Мэнтин, Анциферова О.В., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

of interference. The study identifies lexical interference and the specific categorization of emotional states in Russian and Chinese, and explores the peculiarities of working with emotive vocabulary in Chinese audiences.

Keywords: *emotive vocabulary, emotive competence, teaching Russian as a foreign language, comparative analysis, semantics and functioning, categorization of emotions, verbs of emotional attitude, interference zones*

Cite as: Zhu Mengting, Anziferova O.V. Emotive Vocabulary in the Chinese Audience Based on Verbs of Emotional Attitude (Comparative and Methodological Aspects). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*. 2026, No. 3, part 1, pp. 86–97. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-3-86-97

В условиях глобализации преподавание русского языка как иностранного (РКИ) ориентировано на формирование межкультурной коммуникативной компетенции, где учащийся выступает медиатором между культурами. Ключевым ее компонентом является лингвокультурологическая компетенция — система знаний о культуре, воплощенной в национальном языке, а также знаний о сосуществовании и взаимодействии разнообразных, равноценных и равноправных культур [1, с. 607]. Как отмечает исследователь, овладение языком и культурой выступает фундаментальным условием успешной академической и социальной адаптации иностранных студентов [2, с. 63].

Особую значимость в этом процессе приобретает эмотивная компетенция. Она понимается как осознанная способность облекать эмоции в адекватную вербальную и невербальную оболочку, опираясь при этом на место эмоции в лингвокультуре, а также лингвистическое знание о том, как это делается в данной коммуникативной культуре [3, с. 194]. Как часть иноязычной коммуникативной компетенции эмотивная компетенция активно участвует в процессе межкультурной коммуникации и обеспечивает ее эффективность [4]. Таким образом, интеграция лингвокультурологического и эмотивного аспектов становится центральной задачей современной методики преподавания РКИ.

Ключевое значение в этом процессе имеет изучение эмотивной лексики, которая представляет собой совокупность лексических средств выражения эмоций. Как справедливо отмечает Д.К. Бартош, структуры эмотивной лексики родного и иностранного языков, отражая национальную специфику, не совпадают [5, с. 17]. Эмотивная лексика выполняет функцию культурного кода, что обуславливает особую сложность ее усвоения в процессе обучения РКИ.

Цель данной статьи — провести сопоставительный семантико-прагматический анализ глаголов эмоционального отношения (на примере глаголов *улыбаться*, *смеяться*, *хохотать*) в русском и китайском языках, выявить на этой основе зоны межъязыковой интерференции и определить эффективные методические подходы к формированию эмотивной компетенции у китайских учащихся в процессе обучения русскому языку.

В качестве материала исследования нами рассмотрены глаголы эмоционального отношения *улыбаться*, *смеяться*, *хохотать* в русском и китайском языках с акцентом на их лексико-семантические особенности и функционально-прагматическую специфику. Выбор данных лексических единиц обусловлен уровнем их значимости в русской

языковой картине мира, частотностью употребления в современном русском языке, что подтверждается данными частотных словарей русского языка, а также материалами Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Глаголы, обозначающие чувства, состояние или выражающие отношение к объекту, в лингвистике принято называть глаголами отношения. Согласно классификации Л.Г. Бабенко, глаголы *улыбаться*, *смеяться* и *хохотать* относятся к лексико-семантической группе глаголов, обозначающих внешнее выражение отношения: «проявлять какое-либо отношение к кому-либо жестами, мимикой, поведением, речью, звуками, движениями или какими-либо другими действиями» [6].

Согласно данным БАС и МАС, глагол *смеяться* обладает значением «издавать смех, насмехаться, относиться шутливо», глагол *улыбаться* — «выражать радость, удовольствие улыбкой», а также имеет переносные значения, глагол *хохотать* — «громко смеяться» [7, с. 364–365, 557–559, 429; 8, с. 154, 489, 623].

Данные НКРЯ позволяют выявить особенности функционирования представленных глаголов и проанализировать контексты их употребления. Глаголы *улыбаться*, *смеяться*, *хохотать* в разной степени сопряжены с мимикой. В словарных описаниях указание на положительные эмоции, чувства и отношения субъекта часто занимает первостепенное место. Однако наряду с этим в тех же источниках отмечается широкий спектр эмоциональных состояний, включая отрицательные.

Действия, которые обозначаются глаголами, не всегда находят внешнее проявление. Так, например, глагол *смеяться* может использоваться даже при отсутствии явных внешних признаков этого действия: *Я сухо смеюсь про себя, хотя мое сердце бьется где-то в глотке* (М. Вульф. «Возвращение ангелов», 2019) [НКРЯ].

При описании и характеристике смеха и улыбки преимущественно применяется схема глагол + наречие и существительное в сочетании с прилагательным (смех какой?). Распространители, которых может быть несколько, служат для выделения значимых компонентов в зависимости от индивидуальных особенностей человека, его характера, отношения и поведения в конкретной ситуации.

Проведенный анализ позволяет не только систематизировать различия в семантике и функционировании данных глаголов в двух языках, но и разработать практические рекомендации для эффективного формирования эмотивной компетенции в китайской аудитории, изучающей русский язык.

Эти лингвистические различия становятся зеркалом культурных особенностей эмоционального восприятия. Для китайских учащихся осмысление данной вариативности становится ключом к постижению русской эмоциональной культуры. Сопоставительный подход в преподавании РКИ служит мостом между языковыми сознаниями, позволяя не только минимизировать интерференцию родного языка, но и сформировать аутентичное понимание эмоциональных коннотаций русской речи. Данный подход становится особенно ценным инструментом в процессе преодоления культурно-обусловленных барьеров с целью формирования эмотивной компетенции.

Глагол *улыбаться* может иметь различные распространители — *приятно, приветливо, наивно, ласково* и т. д. Такие варианты позволяют более детально охарактеризовать и выделить ключевые признаки языковых единиц, что способствует более точному восприятию и пониманию лексемы в конкретной коммуникативной ситуации.

В реальном употреблении значение этих глаголов раскрывается в широком спектре контекстов, выходя далеко за рамки простого описания мимики. Глагол *улыбаться*, например, может служить для выражения:

- радости или иных положительных эмоций, испытываемых субъектом: *Вы держитесь за руки и оба улыбаются, а сияющая белизна стволов как будто вторит вашим улыбкам* (Н. Божиков. «Тетка») [Дальний Восток, 2019, № 1];
- эмоционального отношения: *Мотылев, стоя за спинами встречающих, покачивался с пятки на носок и злорадно улыбался* (О.А. Славникова. «Прыжок в длину», 2014–2016);
- сложного чувства, в котором достаточно велика доля интеллектуальной оценки, причем радость переплетается с чувствами, неприятными и субъекту, например злостью или печалью: *Имевший повсюду уши, Нергаль утечкой информации был сильно недоволен, но лишь едва заметно улыбался своей тонкой змеиной улыбочкой* (Н. Дежнев. «Принцип неопределенности», 2009);
- может быть частью этикета: *Это вызвало новый взрыв хохота. Лишь предводитель мамлюков едва заметно улыбался. Смеяться в полный рот ему, возможно, не позволяло положение* (Е. Водолазкин. «Лавр», 2012).

Итак, глагол *улыбаться* выполняет ряд функций: выражение положительных эмоций, оценочного отношения, сложных интеллектуально-эмоциональных состояний, этикетных форм.

Глагол *смеяться* может служить для выражения:

- состояния субъекта: *Он смеялся так долго и заразительно, что Павлу Николаевичу тоже стало смешно: тоже мне, нашел, какой вопрос задать, ничего умнее не придумал!* (С. Таранов. «Черт за спиной», 2001);
- состояния радости, если она достаточно интенсивна: *Главное — я был жив. Я выполз на берег и лежал, и солнце немилосердно жгло мои кровоточащие раны. Потом я стал смеяться от счастья* (Э. Лимонов. «Книга воды», 2002);
- более сложных чувств, в которых отрицательные эмоции переплетаются с положительными: *Он смеялся до слез, говорил много смешного, превозмогая все усиливающуюся боль* (М.А. Захаров. «Театр без вранья», 2007);
- реакции на несогласие с предметом, фактом, отношением: *Вы не представляете, как много у меня знакомых, которые могут смеяться над теми, кто верит в привидения, но при этом сами являются фанатами фэншуй* (Н. Непряхин. «Анатомия заблуждений», 2017–2020);
- реакции на нежелательное действие (желание издеваться над другим): *Скорятину казалось, подлог непременно обнаружат и его с женой позорно выведут из высокой очереди, а все будут смеяться над самозванцами* (Ю.М. Поляков. «Любовь в эпоху перемен», 2015).

Таким образом, глагол *смеяться* выполняет комплекс функций: выражение состояния субъекта, состояния интенсивной радости, сложных смешанных чувств, реакции на несогласие и на нежелательное действие.

Глагол *хохотать* может служить для выражения крайней степени веселья и возбуждения: *Обычно она хохотала раскатисто, как бы захватывая своей широкой натурой присутствующих* (В. Вещунов. «Перекат») [Дальний Восток, 2019, № 3]. В этом контексте хохот можно охарактеризовать как проявление радости,

вызванной событием или ситуацией, значительно выходящей за рамки обычного. В большинстве случаев хохот подразумевает более интенсивную потерю контроля над собой по сравнению с обычным смехом: *ВИ запускает большие пальцы под мышки, закрывает глаза — и начинает хохотать — отбросившись назад, потом согнувшись пополам туда-сюда, туда-сюда — заливисто, заразительно, ярко, раскатисто как колокольчик* (Л.А. Данилкин. «Ленин: Пантократор солнечных пылинок», 2017).

Таким образом, глагол *хохотать* используется для выражения крайней степени эмоции и может быть обусловлен потерей контроля над собой.

В китайском языке глаголы, содержащие иероглиф 笑, образуют семантически близкую группу с размытыми границами значений. Эта особенность приводит к тому, что при переводе на русский язык один и тот же китайский глагол может передаваться различными русскими эквивалентами — «смеяться» или «улыбаться» — в зависимости от конкретного контекста. Отсутствие четкой дифференциации между этими понятиями в китайской языковой системе обуславливает вариативность их передачи средствами русского языка, где данные действия концептуально разделяются.

В китайском языке, согласно «Тематическому словарю китайских глаголов» под редакцией Го Дафана (现代汉语动词分类词典), представлены 50 единиц глаголов, обозначающих смех. Основой данной группы является глагол 笑, от которого происходят все остальные глаголы этой категории. Двусложные лексические единицы формируются с использованием первого слога-морфемы 笑 и дополнительных иероглифов [9, с. 145–149]. Аналогично, в «Современном словаре лексики китайского языка» под редакцией Луи Шусияна (现代汉语词典) сложные глаголы смеха также объясняются через данный глагол [10, с. 1446].

В группу глаголов 笑 включены лексемы, семантика которых содержит компоненты, отражающие «мимику, выражающую положительные эмоции», а также «звуки, возникающие при проявлении радости». Например, глаголы 欢笑 («радостно смеяться»), 微笑 («улыбаться») и др.

Глагол 笑 («смеяться») отражает различные эмоциональные оттенки, включая радостный, приветливый и одновременно с этим негативный или презрительный смех. При этом ключевыми компонентами коммуникативной ситуации смеха являются тон голоса и мимика.

Несмотря на то что в общей семантике данной группы преобладает положительный компонент, связанный с мимикой и/или звуком, наблюдается значительное количество глаголов, транслирующих отрицательное значение.

Отрицательный смех может быть холодным. Это значение передается парой синонимов: 冷笑 («смеяться холодно, выражая недовольство или недоверие»), и 淡笑 («улыбаться холодно»). В русском языке тоже есть холодный, странный, глупый, искусственный смех — это значение появляется при наличии распространителей, а именно прилагательных или наречий.

Смех может быть злым. В числе синонимов с таким значением выделяются глаголы 恶笑 («смеяться зло, зловеще»), 奸笑 («улыбаться зло, коварно»), 狞笑 («улыбаться ехидно, зло, коварно»), а также 狡笑 («улыбаться лукаво»). При этом глагол 狡笑 может употребляться как в отрицательном, так и в положительном значении.

Смех, имеющий негативную окраску, характеризуется как странный и глупый. В эту категорию входят глаголы 痴笑 («смеяться глупо, бесконтрольно, словно безумец»), 怪笑 («смеяться дико, странно» — с точки зрения окружающих) и 憨笑 («смеяться наивно, простовато, грубо, глуповато»). Семантика глагола 痴笑 включает компонент длительности, подразумевая, что субъект не способен контролировать данный акт смеха. В отличие от этого, семантика глагола 怪笑 указывает на наличие контроля над данным действием.

Отдельную подгруппу составляют глаголы, обозначающие искусственный смех, — это такие глаголы, как 强笑 («улыбаться нехотя, деланно, искусственно, принужденно, натянуто»), 佯笑 (аналогичное значение), а также 苦笑 («улыбаться горько, принужденно») и др. Следует подчеркнуть, что данная группа характеризуется исключительно описанием мимики, поэтому в русском языке их эквивалентом выступает глагол *улыбаться*.

В XIX в. в русском языке закрепилось похожее выражение: *наильно и принужденно улыбаться*, отражающее особенности социального этикета того времени. Таким образом, улыбка превратилась в инструмент соблюдения условностей, подчеркивая противоречие между внешней учтивостью и внутренней закрытостью [11, с. 124].

Кроме того, в китайском языке выделяется несколько групп глаголов, обозначающих смех и характерных исключительно для китайской языковой системы. Например, глаголы, описывающие женский смех: 娇笑 («смеяться жеманно, очаровательно, с целью привлечь внимание»), 媚笑 («улыбаться заискивающе, льстиво») и др. Существуют также глаголы, обозначающие дополнительные действия, связанные со смехом: 说笑 («смеяться»), 嬉笑 («смеяться»), 嘻笑 («смеяться вслух, с сопровождением звука»), 哂笑 («улыбаться») и проч. В русском языке глагол 说笑 соответствует глаголу *шутить*, а 嬉笑 — *хихикать*. Глагол 嬉笑 характеризует смех, сопровождающийся движением тела, тогда как 哂笑 имеет дополнительное значение «улыбаться с насмешкой», что можно передать русскими эквивалентами «смеяться над» или «насмехаться над».

Проведенный анализ выявляет фундаментальное различие в концептуализации смеха в русской и китайской лингвокультурах. Китайский язык формирует разветвленную лексическую систему вокруг базового элемента 笑, создавая специальные глаголы для каждого оттенка. В отличие от этого, русский язык опирается на базовые глаголы *смеяться* и *улыбаться*, достигая смысловой точности с помощью распространителей — наречий и прилагательных. Эта разница в категоризации создает значительные трудности при переводе, демонстрируя глубокую связь между языковой структурой и восприятием эмоций.

Выявленные различия имеют непосредственное практическое применение. Интеграция контекстуального анализа и аутентичных текстов в обучение РКИ позволяет минимизировать интерференцию и углубить понимание эмотивной лексики. Межязыковое сопоставление наглядно демонстрирует как различия, так и сходства в организации лексики. В русском языке представлен ряд однокорневых и разнокорневых глаголов (*улыбаться*, *смеяться*, *хохотать*), каждый из которых обладает собственной семантикой и прагматическими особенностями. Каждый язык обладает своей внутренней логикой и системностью в организации лексических средств выражения эмоций. Сопоставительный анализ позволяет выявить

эти закономерности, что особенно ценно в контексте формирования эмотивной компетенции инофонов.

Наиболее эффективным инструментом для этого является работа с языковыми корпусами. Анализ контекстов, выделенных из Национального корпуса русского языка и Корпуса китайского языка, дает возможность зафиксировать общие семантические значения глаголов *улыбаться*, *смеяться* и *хохотать*, что в конечном итоге способствует более глубокому пониманию их функционирования в речи.

Глагол *улыбаться* может служить для выражения радости либо иных положительных эмоций, испытываемых субъектом: *А девочки, в большинстве случаев, более отзывчивы к голосу матери, раньше начинают следить за ней глазами, улыбаться и радоваться ее приближению* (М. Бутовская. «Антропология пола», 2022); *她的妈妈在不远处幸福地微笑着*. («Ее мама счастливо улыбалась неподалеку») (Китайская ежедневная газета, 2002) [ВСС]; выражать эмоциональное отношение: *Мотылев, стоя за спинами встречающих, покачивался с пятки на носок и злорадно улыбался* (О.А. Славникова. «Прыжок в длину», 2014–2016); *老人们三三两两坐在堤岸边的石凳上拉家常，见我们几个走过，友善地微笑着*. («Старики сидели по двое и по трое на каменных скамейках вдоль набережной и приветливо улыбались, когда видели, что мы проходим мимо») (Китайская ежедневная газета, 2013) [ВСС]; отражать сложное эмоциональное состояние, в котором значительную роль играет интеллектуальная оценка, при этом радость может переплетаться с чувствами, неприятными для субъекта: *Имевший повсюду уши, Нергалъ утечкой информации был сильно недоволен, но лишь едва заметно улыбался своей тонкой змеиной улыбкой* (Н. Дежнев. «Принцип неопределенности», 2009); *每次理发，那个相识的理发师总要对他说：“头发又白了不少，哪里的头发又掉了多少，要少用脑子啊！”老公总是很无奈地笑*. («Каждый раз, когда он стригся, знакомый парикмахер всегда говорил ему: “Волосы снова побледнели, где-то выпало много волос, нужно меньше напрягать мозги!” Муж всегда беспомощно улыбался») (Китайская ежедневная газета, 2005) [ВСС]; быть частью этикета: *Это вызвало новый взрыв хохота. Лишь предводитель мамлюков едва заметно улыбался. Смеяться в полный рот ему, возможно, не позволяло положение* (Е. Водолазкин. «Лавр», 2012); *虽然很忙很累，但面对每一位顾客，她依然微笑着*. («Несмотря на то что она очень занята и устала, она все равно улыбается каждому клиенту») (Китайская ежедневная газета, 2010) [ВСС].

Глагол *смеяться* способен передавать состояние субъекта — смешно и весело: *Он смеялся так долго и заразительно, что Павлу Николаевичу тоже стало смешно: тоже мне, нашел, какой вопрос задать, ничего умнее не придумал!* (С. Таранов. «Черт за спиной», 2001); *我在电话中细数当年的那些旧事，他一边朗笑一边应道：“有这事，有这事... 没忘没忘啊！”* («Я тогда разговаривал по телефону, пересчитывая старые вещи, и он громко смеялся, отвечая: “Вот это, вот это... не забыл, не забыл!”») (Китайская ежедневная газета, 2017) [ВСС]; может быть выражением радости, если она достаточно интенсивна: *Главное — я был жив. Я выполз на берег и лежал, и солнце немилосердно жгло мои кровоточащие раны. Потом я стал смеяться от счастья* (Э. Лимонов. «Книга воды», 2002). *说到家庭生活，卢牧师和3位年轻人都幸福地笑了起来*. («Говоря о семейной жизни, пастор Лу и трое молодых людей смеялись от счастья») (Китайская ежедневная газета, 2013) [ВСС]; может быть выражением смешанных чувств, рожденных на стыке позитивных и негативных переживаний: *Он смеялся до слез, говорил много смешно-*

го, превозмогая все усиливающуюся боль (М.А. Захаров. «Театр без вранья», 2007);今天我和他们坐在一起，共欢笑、同悲伤，与他们分享我十几岁时的梦想与执著，然而遥远的明天将会如何？（«Сегодня я сижу с ними, смеюсь и горюю, разделяю с ними мечты и наваждения моих подростковых лет, но что будет в далеком будущем?»）(Китайская ежедневная газета, 2002) [ВСС]; может быть выражением реакций на несогласие с предметом, фактом, отношением: *Вы не представляете, как много у меня знакомых, которые могут смеяться над теми, кто верит в привидения, но при этом сами являются фанатами фэншуй* (Н. Непряхин. «Анатомия заблуждений», 2017–2020); 剧中有几位喜剧演员名气不小，可是表演矫揉造作，经常因为小事互相嘲笑。（«В спектакле участвуют несколько известных комедийных актеров, но их игра выглядит напыщенной, и они часто смеются друг над другом по мелочам»）(Китайская ежедневная газета, 2003) [ВСС]; может быть выражением желания издеваться над другим: *Скорятину казалось, подлог непременно обнаружат и его с женой позорно выведут из высокой очереди, а все будут смеяться над самозванцами* (Ю.М. Поляков. «Любовь в эпоху перемен», 2015); 中国学生害怕展示他们的创造力，他们担心老师可能会生气，同学们会嘲笑。（«Китайские студенты боятся проявить свою креативность, они опасаются, что учителя могут рассердиться, а однокурсники будут смеяться над ними»）(Китайская ежедневная газета, 2016) [ВСС].

Глагол *хохотать* способен передавать состояние крайней степени веселья и эмоционального возбуждения: *ВИ запускает большие пальцы под мышки, закрывает глаза — и начинает хохотать — отбросившись назад, потом согнувшись пополам туда-сюда, туда-сюда — залиvisto заразительно ярко раскатисто как колокольчик* (Л.А. Данилкин. «Ленин: Пантократор солнечных пылинок», 2017); 婚礼舞会时，姐姐邀我和她跳舞，而我却不停地跑来跑去，姐姐在后面追着我，想教我跳舞，引得大家哈哈大笑。（«На свадебном балу сестра попросила меня потанцевать с ней, а я все бегал вокруг, сестра догоняла меня сзади и пыталась научить танцевать, заставляя всех хохотать»）(Китайская ежедневная газета, 2014) [ВСС].

Таким образом, работа с эмотивной лексикой действительно должна выстраиваться на контекстной основе, где аутентичные тексты выступают ключевым ресурсом. Сопоставительный анализ на материале корпусов однозначно демонстрирует, что семантика эмотивных глаголов *улыбаться*, *смеяться* и *хохотать*, не является фиксированной, ее специфика проявляется в зависимости от ситуативного и культурного контекста. Главное затруднение для китайских учащихся заключается в фундаментальном различии лингвокультурных моделей. Если в русской традиции эти глаголы обладают широкой семантической зоной, покрывая искренние и социально-ритуальные эмоции, то в китайском языке акцент смещен на детализацию социальных ролей, гендерных ожиданий и конкретных обстоятельств. Это приводит к лексической интерференции, связанной с переносом узких, специфичных значений родного языка на лексемы в русском языке, что порождает коммуникативные сбои и стереотипное восприятие.

Формирование эмотивной компетенции у китайских студентов-филологов представляет собой сложную методическую проблему, требующую специального подхода. Основная трудность заключается в невозможности обучения пониманию эмотивной лексики через изолированное декодирование значений «снизу вверх» из-за высокой контекстной зависимости данной лексической группы.

Проведенный анализ позволяет выделить три ключевых пласта трудностей, образующих своеобразный барьер на пути к освоению эмотивной лексики. Во-первых, это лингвистический пласт, где сложности проистекают из самой природы языка — это избыточность значений, зависимых от контекста, а также явления многозначности и омонимии, превращающие слово в нестабильную единицу. Во-вторых, это социокультурный пласт: трудности здесь кроются не в языке, а за его пределами — в различии культурных кодов. В-третьих, это психологический пласт, который относится к внутренним механизмам восприятия обучающегося и тому, насколько они развиты для адекватного декодирования и интеграции эмотивных единиц в индивидуальную картину мира.

Для преодоления описанных трудностей и эффективного формирования эмотивной компетенции необходим синтез двух взаимодополняющих методических подходов. Теоретической основой такого синтеза служит модель, предложенная А.А. Вильтовской, которая выделяет два разнонаправленных пути обучения речевой деятельности: «сверху вниз» и «снизу вверх» [12, с. 230]. Применительно к нашей задаче, путь «сверху вниз» представляет собой «овладение целостными актами общения через образцы речевых произведений», где понимание формируется от общего контекста к частным элементам [13, с. 107]. Напротив, путь «снизу вверх» намечает «путь от последовательного, систематичного овладения отдельными речевыми действиями (отдельными высказываниями) разного уровня к их последующему комбинированию, объединению», т. е. движение от отработки языковых форм к созданию осмысленного целого [там же].

Интеграция этих путей наиболее эффективно реализуется в рамках трехэтапной модели (предтекстовый, притекстовый, послетекстовый этапы) работы с аутентичными текстами. Данная модель позволяет системно преодолевать лексическую интерференцию, последовательно развивая как формальные, так и смысловые навыки работы с эмотивной лексикой.

Ключевым звеном этой модели является предтекстовый этап, который в основном опирается на стратегию «снизу вверх». На этом этапе происходит целенаправленная подготовка инструментария для декодирования текста. Задачи этапа — введение и семантизация эмотивной лексики, тренировка восприятия и переработки формальной языковой информации. Система упражнений включает, во-первых, восприятие и понимание слов по формальным признакам через анализ словообразовательных элементов (например, разбор слова *улыбаться*); во-вторых, развитие языковой догадки на основе межъязыковых соответствий; в-третьих, работу с семантическими признаками через синонимические ряды, антонимические пары и расположение лексем на шкале интенсивности эмоции (например, *улыбка* — *смех* — *хохот*).

Последующие этапы модели — притекстовый и послетекстовый — обеспечивают гармоничное сочетание обоих подходов. На притекстовом этапе стратегия «снизу вверх» реализуется через задания на идентификацию и анализ эмотивной лексики в самом тексте, в то время как стратегия «сверху вниз» активируется через анализ общего контекста, интенций автора и культурного фона произведения. Послетекстовый этап обеспечивает проверку адекватности понимания и закрепление навыков. В логике «снизу вверх» используются упражнения на упрочение парадигматических и синтагматиче-

ских связей эмотивной лексики. В то же время стратегия «сверху вниз» реализуется через проверку понимания логического и эмотивного кодов всего текста, его подтекста и культурных коннотаций, что стимулирует развитие интуитивного и аналитического мышления учащихся.

Таким образом, предложенная трехэтапная модель, интегрируя методологические принципы путей «снизу вверх» и «сверху вниз», создает целостную систему. Эта система позволяет перейти от изолированного усвоения лексических единиц к их свободному и адекватному использованию в реальном межкультурном общении, что и составляет конечную цель формирования эмотивной компетенции у китайских студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новикова Н.А. Китайские сказки как средство формирования лингвокультурологической компетенции студентов-международников // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. № 6. С. 606–613.
2. Сатретдинова А.Х., Пенская З.П. Формирование межкультурной компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному // Известия ВГПУ. 2020. № 5(148). С. 63–66.
3. Черничкина Е.К. Эмоционально-эмотивная компетенция искусственного билингва // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: сб. науч. тр. к юбилею Виктора Ивановича Шаховского / отв. ред. С.В. ИONOва. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2009. С. 193–198.
4. Копыловская М.Ю., Ялышева А.В. Эмотивная компетенция и ее структура в теории обучения иностранным языкам // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 6А. Ч. I. С. 369–382.
5. Бартош Д.К., Гальскова Н.Д. Роль эмоциональной культуры в профессиональной деятельности учителя иностранного языка // Педагогика и психология образования. 2018. № 3. С. 9–18.
6. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. 576 с. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovary/bolshoj-tolkovyj-slovar-russkikh-glagolov/primechaniya-k-angliyskomu-perevodnomu-ekvivalentu> (дата обращения: 04.02.2026).
7. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; под ред. Л.И. Балахонова. СПб.: Наука, 2019. Т. 26. 696 с.
8. Малый академический словарь русского языка (Словарь русского языка) / Академия наук СССР, Институт русского языка; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4. С–Я. 1984. 794 с.
9. Тематический словарь китайских глаголов / сост. Го Дафан. Чанчунь: Цилинь цзяюй, 1994. 488 с. (现代汉语动词分类词典: 郭大方. 吉林: 吉林教育出版社, 1994, 4.)
10. Современный словарь лексики китайского языка / под ред. Луи Шусиян. 7-е изд., Пекин: Коммерческая пресса, 2016. 1799 с. (现代汉语词典: 第七版/吕叔湘. 北京: 商务印书馆, 2016.)
11. Шibaева Н.Б. Особенности русской улыбки как знака невербальной коммуникации (на примере рассказов А. П. Чехова) // Вестник ТГГПУ. 2019. № 3(57). С. 121–127.

12. Вильтовская А.А. Обучение диалогической речи: пути «сверху вниз» и «снизу вверх» // Язык и социум: материалы X Междунар. науч. конференции, Минск, 15–17 октября 2015 г. / ред. кол. И.С. Ровдо (пред.) [и др.]; под общ. ред. Л.Ф. Гербик. Минск: Колорград, 2016. С. 230–233.
13. Балыхина Т.М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учеб. пособие для преподавателей и студентов. М.: Изд-во РУДН, 2007. 185 с.

REFERENCES

1. Novikova N.A. *Kitayskiye skazki kak sredstvo formirovaniya lingvokulturologicheskoy kompetentsii studentov-mezhdunarodnikov* [Chinese Fairy Tales as a Means of Forming the Linguacultural Competence of International Relations Students], *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* = Pedagogy. Issues of theory and practice, 2023, No. 6, pp. 606–613. (in Russ.)
2. Satretdinova A.Kh., Penskaya Z.P. *Formirovaniye mezhkulturnoy kompetentsii v protsesse obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu* [Formation of Intercultural Competence in the Process of Teaching Russian as a Foreign Language], *Izvestiya VGPU = VSPU News*, 2020, No. 5(148), pp. 63–66. (in Russ.)
3. Chernichkina Ye.K. *Emotsionalno-emotivnaya kompetentsiya iskusstvennogo bilingva* [Emotional-emotive Competence of an Artificial Bilingual], *Yazyk i emotsii: nominativnyye i kommunikativnyye aspekty: sb. nauch. tr. k yubileyu Viktora Ivanovicha Shakhovskogo* = Language and emotions: nominative and communicative aspects: Collection of scientific papers for the anniversary of Viktor Ivanovich Shakhovsky, ed. by S.V. Ionov, Volgograd, Volgograd Scientific Publ. House, 2009, pp. 193–198. (in Russ.)
4. Kopylovskaya M.Yu., Yalysheva A.V. *Emotivnaya kompetentsiya i yeye struktura v teorii obucheniya inostrannym yazykam* [Emotive Competence and Its Structure in the Theory of Teaching Foreign Languages], *Pedagogicheskiy zhurnal* = Pedagogical journal, 2022, vol. 12, No. 6A, part I, pp. 369–382. (in Russ.)
5. Bartosh D.K., Galskova N.D. *Rol emotsionalnoy kultury v professionalnoy deyatel'nosti uchitelya inostrannogo yazyka* [The Role of Emotional Culture in the Professional Activities of a Foreign Language Teacher], *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya* = Pedagogy and Psychology of Education, 2018, No. 3, pp. 9–18. (in Russ.)
6. *Bolshoy tolkovyy slovar russkikh glagolov: Ideograficheskoye opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Angliyskiye ekvivalenty*. [Great Explanatory Dictionary of Russian Verbs: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. English Equivalents], ed. by Prof. L.G. Babenko, Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2008, 576 p. (in Russ.)
7. *Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka* [Great Academic Dictionary of the Russian Language], Russian Academy of Sciences, Institute for Linguistic Studies, ed. L.I. Balakhonova, St Petersburg, Nauka Publ., 2004, vol. 26, 696 p. (in Russ.)
8. *Malyi akademicheskii slovar* [Small Academic Dictionary], USSR Academy of Sciences, Institute of Russian Language, ed. by A.P. Evgenyeva, 2nd ed., corrected and enlarged, Moscow, Russkiy Yazyk, 1981–1984, vol. 4, S–Ya, 1984, 794 p. (in Russ.)
9. *Tematicheskii slovar kitayskikh glagolov* [Thematic Dictionary of Chinese Verbs], compiled by Guo Dafang, Changchun, Jilin Jiaoyu Publishing House, 1994, 488 p. (吉林: 吉林教育出版社, 1994, 4.) (in Chinese)

10. *Sovremennyy slovar leksiki kitayskogo yazyka* [Modern Dictionary of Chinese Language Vocabulary], ed. Lui Shuxiang, 7th edition, Beijing, Commercial Press, 2016, 1799 p. (现代汉语词典: 第七版/吕叔湘. 北京: 商务印书馆, 2016.) (in Chinese)
11. Shibaeva N.B. *Osobennosti russkoy ulybki kak znaka neverbalnoy kommunikatsii (na primere rasskazov A.P. Chekhova)* [Features of the Russian Smile as a Sign of Non-Verbal Communication (On the Example of the Stories of A.P. Chekhov)], *Vestnik TGGPU* = Bulletin of the TGGPU, 2019, No. 3(57), pp. 121–127. (in Russ.)
12. Viltovskaya A.A. *Obucheniye dialogicheskoy rechi: puti “sverkhu vniz” i “snizu vverkh”* [Teaching Dialogic Speech: “Top-Down” and “Bottom-Up” Approaches], *Yazyk i sotsium: materialy KH Mezhdunar. nauch. konf., Minsk, 15–17 oktyabrya* = Language and society: materials of the 10th International scientific conf., Minsk, October 15–17, 2015, ed. by L.F. Gerbik, Minsk, Kolograd Publ., 2016, pp. 230–233. (in Russ.)
13. Balykhina T.M. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo (novogo): Ucheb. posobiye dlya prepodavateley i studentov* [Methods of Teaching Russian as a Foreign (New) Language: Textbook for Teachers and Students], Moscow, RUDN University Publ. House, 2007, 185 p. (in Russ.)

Чжу Мэнтин, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, zhumengting620@qq.com

Zhu Mengting, PhD Post-graduate Student, Saint Petersburg State University, zhumengting620@qq.com

Анциферова Ольга Васильевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания, Санкт-Петербургский государственный университет, olga.anciferova.23@mail.ru

Olga V. Antsiferova, PhD in Education, Assistant Professor, Russian as a Foreign Language and Methods of its Teaching Department, St Petersburg State University, olga.anciferova.23@mail.ru

97

Статья поступила в редакцию 22.12.2025. Принята к публикации 26.01.2026

The paper was submitted 22.12.2025. Accepted for publication 26.01.2026